

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-70-78

ЛИРИКА В. ШАЛАМОВА: ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ КАК ЦЕЛОСТНОСТИ

Кротова Д.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу малоизученного аспекта творчества В. Шаламова. Доказывается, что в лирике Шаламова нашло отражение свойственное поэту восприятие жизни как целостности, вследствие которого поэзия Шаламова воссоздаёт вполне разностороннюю и по-своему гармоничную картину мира. Автор статьи приходит к выводу о том, что основой творчества Шаламов считал не только лично пережитый им тягостный опыт, но жизнь как таковую с её органическим течением. Отмечается, что важнейшую роль в мировосприятии Шаламова играет идея противопоставления живой жизни и механического схематизма в любых его формах. Выстраивается ряд параллелей с творчеством Пастернака: выявлены сходства и различия особенностей мировосприятия двух поэтов. Обосновывается важная для Шаламова идея о том, что не только жизнь определяет ход творчества, но и творчество воздействует на течение жизни.

Ключевые слова: Шаламов, мировосприятие Шаламова, основы творчества, поэзия Шаламова, пейзажная лирика, Шаламов и Пастернак.

SHALAMOV'S POETRY: THE PERCEPTION OF LIFE AS WHOLENESS

D. Krotova

*Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 1 build. 51 Leninskie gory, Russian Federation, 119991*

Abstract. The article is devoted to insufficiently studied aspect of V. Shalamov's creativity. It is proved that Shalamov's works are a reflected perception of life as a wholeness, and that leads to quite versatile and harmonious picture of the world in Shalamov's poetry. The author of the article comes to the conclusion that as the basis of his creativity Shalamov considered not only his personally endured painful experience, but also life itself with its organic flow. It is noted that in Shalamov's worldview very important role is played by the idea of opposition of life itself and mechanical schematics in any of its forms. The article builds a number of parallels with Pasternak's creativity: reveals the similarities and differences in worldview of the two poets, and explains Shalamov's important idea that not only life determines the course of creativity, but creativity influences the life.

Key words: Shalamov, Shalamov's worldview, foundation of creativity, Shalamov's poetry, landscape lyrics, Shalamov and Pasternak.

Вопрос, вынесенный в заглавие статьи, является одним из принципиально значимых и, быть может, наиболее дискуссионных для исследователей творчества В. Шаламова. Правомер-

© Кротова Д.В., 2016.

но ли вообще говорить о восприятии жизни как целостности по отношению к этому писателю и поэту? Быть может, судьба Шаламова, искалеченная почти двадцатью годами лагерей, не оставляла возможности для подобного взгляда на жизнь? Позволял ли страшный опыт Шаламова видеть сколько-нибудь гармоничную и разностороннюю картину мира, преодолеть разорванность отдельных восприятий?

Справедливо было бы ожидать от лирики и прозы Шаламова, в первую очередь, документального и эмоционального воссоздания лагерного опыта, нечеловеческого страдания, которое поэт испытал за эти годы. Размышляя о поэтическом наследии Шаламова, вполне закономерно предположить, что его стихи будут наполнены прежде всего болезненным отражением пережитого. В ряде случаев подобные ожидания оказываются оправданными – действительно, у Шаламова читатель находит целый ряд текстов глубоко драматического содержания. Достаточно вспомнить стихотворения «В этой стылой земле, в этой каменной яме...», «Скоро в серое море...», «В закрытой выработке, в шахте...» или ещё одно краткое, но столь ёмкое эмоционально и содержательно стихотворение из сборника «Синяя тетрадь»:

*Как ткань сожжённая, я сохраняю
Рисунок свой и внешний лоск,
Живу с людьми и чести не роняю
И берегу свой иссушённый мозг.*

*Всё, что казалось вам великолепьем,
Давно огонь до нитки пережёт.
Дотронься до меня – и
я рассыплюсь в пепел,
В бесформенный, аморфный порошок
[4, с. 48].*

Стихотворение о том, как страшно сказало пережитое на человеке – душа будто выжжена, и осталась даже не рана, которая болела бы и кровоточила, а лишь дотла перегоревший, сожжённый «остов», контуры уничтоженного пространства души.

Конечно, эта грань творчества Шаламова обладает необычайной значимостью, и вполне естественно, что читательское внимание обращается, в первую очередь, именно к ней. Но в поэзии Шаламова есть и совсем иной образный и содержательный план, пока ещё менее исследованный:

*Мне жизнь с лицом её подвижным
Бывает больше дорога,
Чем косность речи этой книжной,
Её бумажная пурга.*

*И я гляжу в черты живые
Издалика, издалика.
Глухие дали снеговые
Меня лишили языка [4, с. 312].*

Процитированные первые строфы стихотворения отчётливо говорят о том, что именно является главным художественным ресурсом поэта, основой его творчества – это жизнь как таковая в любых её проявлениях, «черты живые» бытия. Поэт говорит о «подвижном лице» жизни, которое ему столь дорого, о своём стремлении понять, уловить, верно отразить его в своих стихах. Исключительная душевная сила, которой обладал Шаламов, позволяла ему ощущать проживаемую жизнь не только как пытку и муку, но и как благо, и считать жизнь саму по себе с её органическим течением основой творчества и чем-то неоспоримо ценным.

В приведённых строфах выражена и идея противопоставления живой жизни и бумажной «пурги», «речи

книжной», т. е. придуманных слов, предвзятых суждений, вообще любой искусственности. Слова о «речи книжной» вовсе не означают, что Шаламов отвергал литературную традицию и вообще писательское или поэтическое творчество как таковое. Как раз напротив, он считал именно поэтическое слово высшей ценностью и даже говорил о том, что «кроме поэзии, никому более я не благодарен за мою судьбу» [4, с. 484]. Цитированные строки говорят не об отторжении этой традиции, а о предпочтении логики самой жизни перед какими бы то ни было схемами.

Сходное противоположение читатель встречается и в целом ряде других стихотворений Шаламова:

Не в пролитом море чернил
Мы ищем залого успеха, –
Мы ищем, что мир схоронил,
Себе схоронил на потеху.

Что он от других уберёт,
Таких же строителей жадных,
Умеющих кайлами строк
Врубаться в словарь беспощадно [4, с. 322].

Здесь находит выражение та же идея: импульс подлинного творчества («залого успеха») лежит не в книжной выдумке, «не в пролитом море чернил», а в самой жизни, её органическом движении.

Цитируемое стихотворение представляет собою и размышление о творческом процессе как таковом – и автор настаивает на том, что в основе творчества лежит прежде всего интуитивный, рационально не объяснимый путь постижения мира. А в последней строфе стихотворения, как и в его начале, «могущество книг» вновь сопоставлено с большим могуществом – самой жизнью:

Но золото скрыто на дно,
И эту тяжёлую тайну
Записывать нам суждено
Воистину только случайно.

Случайно руда найдена,
Хотя полноценна и щедра,
И будто до самого дна
Земли открываются недра.

И можно порвать черновик
И лёгкой походкою зверя
Уйти от могущества книг,
В могущество леса поверя [4, с. 322].

Когда размышляют о даре постижения и ощущения «органики жизни», то часто вспоминают о лирике и прозе Б. Пастернака. Пастернак с юности и до самых поздних лет обладал удивительным ощущением жизни как чудесного дара, как счастья, он был наделён способностью видеть красоту в самых, казалось бы, обычных, повседневных вещах, чувствовать «поэзию обыденного» – «дар крайне редкий у русского человека, поглощённого глобальными проблемами и не видящего того, что рядом» [1, с. 171]. Пастернак, ещё в юности назвавший жизнь своей «сестрой», до последних дней смотрел вокруг себя с любовью, и всё, «что рядом», неизменно становилось органической частью его поэтического мира.

Безусловно, понимание и восприятие жизни у Шаламова было иным, нежели у Пастернака, – совсем разным было личностное устройство двух поэтов, разной была природа их дарования, наконец, кардинально отличались внешние обстоятельства жизни. Поэтому и «сама поэтика Шаламова принципиально другая» [2, с. 203]. Но дар «восхищения жизнью», чувство «волшебных дрожжей существования» (как определял эти особенности мироощущения автор «Доктора Живаго»)

были свойственны Шаламову отнюдь не в меньшей степени, чем Пастернаку, – хотя, конечно, это проявлялось в лирике Шаламова совершенно иным образом. Так, «поэзии обыденного» в стихах Шаламова меньше, чем в пастернаковской лирике и прозе (в силу понятных причин: лагерные условия, в которых Шаламов находился почти двадцать лет, не давали повода к одухотворённо-лирическому восприятию бытовых деталей, да и самих этих деталей в лагерном бараке попросту не было). У Шаламова чуткость к «органике жизни» выражается скорее не в том, что «его взгляд эстетизирует всё, что попадает в поле зрения героя» [1, с. 171], а в ощущении своей причастности – гармоничной причастности! – к общему ходу существования. Об этом Шаламов многократно говорил в своих стихах:

*Мир отразился где-то в зеркалах.
Милльон зеркал тёмно-зелёных листьев
Уходит вдаль, и мира лёгкий шаг –
Единственная из полезных истин.*

*Уносят образ мира тополя
Как лучшее, бесценное изделие.
В пространство, в бездну пущена земля
С неоспоримой, мне понятной целью.*

*И на листве – на ветровом стекле
Летящей в бесконечное природы,
Моя земля скрывается во мгле,
Доступная познанию небосвода* [4, с. 429–430].

Единственной истиной становится «мира лёгкий шаг» – течение самой жизни, которое поэт слышит и чувствует безошибочно. Сам мировой процесс и даже смысл бытия оказываются интуитивно ясны и понятны поэту: «в бездну пущена земля // С неоспоримой, мне понятной целью». Это стихотворение, написанное, когда

Шаламову было шестьдесят три года, далеко от юношеских пастернаковских строк «Я понял жизни цель и чту // Ты цель как цель...», но ощущение мира, выражаемое обоими поэтами (в столь непохожей, даже контрастной форме) оказывается сходным: гармоническое созвучие своего собственного, частного существования – и всеобщего, природного, мирового, органическая соотнесённость своего «я» со вселенским пространством и стихиями.

Не случайно объектом поэтической рефлексии Шаламова так часто становится мир природы – именно она для Шаламова «оказывается самой прочной связью с вечностью» [7, с. 228]. Шаламов, как и Пастернак, тоже с любовью отмечает детали – но те, что связаны в большей степени не с бытовым, а именно с природным миром:

Боже ты мой, сколько
Солнечных осколков
На тугом снегу,
Для кого же нужно
Скатертью жемчужной
Застилать тайгу?

...
Зайцам и лисицам
Скатерть не годится,
Слишком ярок блеск,
Слишком блеск тревожен.
Заяц осторожен
И укрылся в лес.

Заячьей дорогой,
Подождав немного,
Поплелась лиса.
Снова молчаливы,
До смерти пугливы
Белые леса.

Достают олени,
Вставши на колени,
Из-под снега мох.
Кто бы, видя это,
Воспитать эстета
Из оленя мог?

...
 Ну, а нынче всё же
 Кто же видит, Боже,
 Краски красоты?
 Кто понять их может,
 Кто же, светлый Боже, –
 Только я да Ты [4, с. 21-22].

Шаламовский взгляд подмечает и «осколки» солнца, и «жемчужную скатерть» снега с её тревожным блеском, и оленей-«эстетов» (и пусть, прочитав это стихотворение, кто-нибудь скажет, что творчество Шаламова лишено юмора!). «Краски красоты» природного мира, восхищение тем, что вокруг, – всё это наполняет шаламовскую лирику. «Спектральные цвета // Сверкают в лунном нимбе, // Земная красота // На небеса проникла» [4, с. 30], – о земной красоте Шаламов написал удивительно много стихов.

У Шаламова любой пейзаж всегда «говорит по-человечески» [4, с. 391], т. е. так или иначе преломляет и отражает мысли и чувства – об этом свойстве своих природных картин Шаламов много размышлял и в лирике, и в статьях (например, в эссе «Кое-что о моих стихах», «Пейзажная лирика» [5]). В шаламовских пейзажах читатель имеет дело «не просто с перенесением человеческих свойств на природу, не просто с её очеловечением. Это не только поэтическое сближение двух миров, но их взаимопроникновение, их редкостная слитность, когда одно просвечивает сквозь другое» [6, с. 53]. Но сами природные картины у Шаламова нередко лишены непосредственного присутствия человека, перед взглядом читателя в лирике Шаламова – собственно природа, а не люди. Иногда человеческое присутствие как таковое будто бы и не мыслится в изображае-

мой картине – воссоздаётся облик мира «дочеловеческого», человек словно ещё не создан, не появился, и органика природы существует сама по себе:

Ещё в покое всё земное,
 Ещё не вырвался гудок
 В глухое царство ледяное
 Медвежьих и людских берлог.
 Пустуют синие дороги,
 И небосвод отменно чист,
 Висит перед глазами Бога
 Весь мир как ватмановский лист.
 Ещё без третьих измерений
 Он весь как плоскость, как чертёж,
 Предшествующий сотворенью,
 На землю вовсе не похож.
 Любое в нём чертою резкой
 Себя граничит от других,
 Он разноцветен, точно фреска,
 В такой перед гудочный миг [4, с. 328].

Природный мир как таковой – эта грань «органики жизни» становится для Шаламова особенно важной и ценной. Хотя и тот ракурс восприятия действительности, о котором уже упоминалось, – умение ценить бытовые проявления жизни, «поэзия обыденного», – тоже присутствует у Шаламова. На протяжении многих лет Шаламов был лишён дома, и дом был для него образом мечты, недоступного счастья:

Я хочу, чтоб средь метели
 В чёрной буре снеговой,
 Точно угли, окна тлели,
 Ясной вехой путевой.

В очаге бы том всегдашнем
 Жили пламени цветы,
 И чтоб тёплый и нестрашный
 Тихо зверь дышал домашний
 Средь домашней темноты [4, с. 404].

Художественное целое создаётся здесь именно благодаря деталям – светящиеся среди метели окна, горящий очаг и, конечно, мирное дыхание до-

машного зверя – кошки (для Шаламова уютный дом без кошки был, кажется, немислим – те, кто знал Шаламова, говорили о его привязанности к кошке Мухе, которая даже стала персонажем нескольких его стихотворений).

Другое стихотворение, «Исполнение желаний», тоже рисует мир воображаемого счастья – дом, покой, тепло, еда. Здесь поэтически изображаются детали, казалось бы, совсем приземлённые – чавканье над миской с горячим супом, храп задремавшей хозяйки или капли пота на её лице. Казалось бы, всё вокруг так просто и понятно – печка и ухват, миска и ложка, но на всех этих простых бытовых вещах лежит будто бы ореол святости, и ужин в доме, наполненном теплом и человеческой добротой, становится для героев стихотворения настоящим таинством:

В избе дородная хозяйка,
Лоснящаяся, как зверь,
Кладёт на койку балалайку
И открывает смело дверь.
...
И, как гомеровская баба,
Она могуча и сильна.
И нам, измученным и слабым,
Чудесной кажется она,

Когда, сменив в светце лучину,
Мурлыча песню, шерсть прядёт,
И плечи кутает в овчину,
И вытирает жаркий пот,

И, засыпая над работой,
Не совладавши с дремотой,
Храпит, и в блеске капель пота
Преображается святой.

Мы дружно чавкаем над миской
И обжигаем супом рты,
И счастье к нам подходит близко,
И исполняются мечты [4, с. 171-172].

Капли пота превращаются в лучистый, сверкающий нимб, горячая, об-

жигающая еда – в нектар, а женщина за прялкой – в непредставимое чудо. «Поэзией обыденности» напитана лирика Шаламова, и в этом тоже проявляется чувство органической сопричастности поэта к жизни.

В лирике Шаламова, конечно же, чрезвычайно значима и другая грань: протест, отторжение, трагическое переживание – как частного, так и социального, и бытийного плана. «Пафос обличения и клятвы» [3, с. 214] в творчестве Шаламова чрезвычайно силён. Шаламову было свойственно ощущение жизни как боли, болезни, напрасного страдания. Именно таков спектр восприятия, выраженный в стихотворении из цикла «Кипрей»:

Бормочут у крыльца две синенькие галки,
И воду воробей из лужи важно пьёт.
Щегол уж не творит, а шпарит по шпаргалке –
Я с детства заучил порядок этих нот.
Но прелесть детских лет – не больше,
чем невзгода,
Чем тяжесть страшная на памяти моей.
Мне совестно взглянуть под купол небосвода,
Под купол цирковой моих превратных дней,
Дней юности моей, что прожита задаром,
Разорванный, растоптанный дневник,
Соседство смертных стрел, напитанных анчаром,
Опасное соседство книг...
И молодость моя – в рубцах от первых пыток –
Возмездья первородного греха.
Не самородок, нет, а выплавленный слиток
Из небогатых руд таёжного стиха.
И зрелость твёрдая – в крутящейся метели,
Бредущая по лесу с топором...
Я жизнью заболел, и я лежу в постели
И трижды в день глотаю горький бром
[4, с. 227–228].

Детство – «не больше, чем невзгода», дни юности – «разорванный, растоптанный дневник», молодость «в рубцах от первых пыток», зрелость «в крутящейся метели». Жизнь предстаёт как чья-то злая шутка, трагическая игра – даже не на театральной, а на цирковой арене («купол цирковой моих превратных дней»). «Я жизнью заболел...», – такую фразу невозможно представить себе, положим, в лирике Пастернака, приемлющего – по большому счёту – жизнь как благо. Пастернак, даже когда очень болел, не сказал бы, что он «болеет жизнью». Мирощущение Шаламова, при столь же глубоком, как и у Пастернака, приятии «органики жизни», было значительно более резким и драматическим.

Сопоставление с Пастернаком невольно возникает и связи со стихотворением Шаламова «Мой архив». «Не надо заводить архива, // Над рукописями трястись», – призывал Пастернак. Шаламову и не нужно было заводить архива – сама жизнь, природа, земля были архивом его творчества:

Рукописи – берёста,
Камни – черновики.
Буквы крупного роста
На берегу реки.

Мне не нужна бумага,
Вместо неё – леса.
Их не пугает влага:
Слёзы, дожди, роса.
...
Вот надёжно укрытый
Склад моего сырья,
Птицами позабытый,
Спрятанный от зверья [4, с. 341].

Настолько тесное слияние, почти неразличение процесса творчества и органики самой жизни, восприятие жизни как стиха и стихотворчества –

одна из примечательных и резко индивидуальных черт поэтического облика Шаламова. Для Шаламова не только стихи во всём подобны ходу самой жизни и строятся по её законам, но и жизнь идёт по законам стиха. В основе всех жизненных, природных, бытовых процессов лежит именно закон стихосложения, «поэтический секрет»:

В годовом круговращенье,
В возвращенье зим и лет,
Скрыт секрет стихосложения –
Поэтический секрет.

...
Музыкален, как баллада,
Как чередование строк,
Срок цветенья, листопада,
Перелётов птичьих срок.
В смене грома и затишья,
В смене света и теней
Колесо четверостишья,
Оборот ночей и дней [4, с. 397-398].

Течение жизни и есть течение стиха – для Шаламова эти начала оказываются неразрывно слиты и почти тождественны.

Если в привычном понимании жизнь определяет ход творчества, жизненные реалии оказывают влияние на сознание поэта, то Шаламов делает другой акцент – не только жизнь определяет поэзию, но и – в большей степени – само творчество, стихи определяют жизнь: «Стихотворения – стихотворения, // Поправок, доделок – тьма! // От точности измерения // Зависит и жизнь сама» [4, с. 400]. Именно стихи становятся движущей силой мироздания и даже скрытым рычагом передвижения земли:

Стихи – не просто отраженье
Стихий, погрязших в мелочах.
Они – земли передвиженья
Внезапно найденный рычаг [4, с. 181].

Об этом же Шаламов размышляет и в стихотворении с символическим названием «Земля со мною»: «Я будто волочу // Весь мир сейчас с собою // И сызнова хочу // Зажить его судьбою» [4, с. 276]. Не кто иной, как поэт определяет жизненное движение, ведёт, «волочит» за собой мир.

Творчество Шаламова – это далеко не только пафос сопротивления, протеста, обострённо-драматического осмысления той социальной и исторической ситуации, которая беспощадно искадила его собственное, частное

существование. В лирике Шаламова читатель встречает редкое по своей остроте и проникновенности ощущение жизни как таковой, умение восхититься ею в самых разных её проявлениях, почувствовать её органическое течение. Поэту было дано глубокое чувство причастности ко всему, что происходит в мире, способность ощутить «колесо стихосложения» в любом жизненном явлении и сделать так, чтобы всё сущее мгновенно откликлось бы, как говорил Шаламов, «на зов рифмы».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
2. Иванова Н. Варлам Шаламов и Борис Пастернак: к истории одного стихотворения // Знамя. 2007. № 9. С. 198-207.
3. Сухих И. Жить после Колымы (1954–1973. «Колымские рассказы» В. Шаламова) // Звезда. 2001. № 6. С. 208-220.
4. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. 526 с.
5. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. 494 с.
6. Шкловский Е. Варлам Шаламов. М.: Знание, 1991. 64 с.
7. Шрейдер Ю. «Граница совести моей» // Новый мир. 1994. № 12. С. 226-229.

REFERENCES

1. Golubkov M.M. Russkaya literatura KHKH v.: Posle raskola [Russian literature of the XX century: After the split]. M., Aspekt Press, 2001. 267 p.
2. Ivanova N. Varlam Shalamov i Boris Pasternak: k istorii odnogo stikhotvoreniya [Varlam Shalamov and Boris Pasternak: toward the history of one poem] // Znamya. 2007. no. 9. pp. 198-207.
3. Sukhikh I. ZHit' posle Kolymy (1954–1973. «Kolymskie rasskazy» V. SHalamova) [Live after the Kolyma river (1954–1973. “The Kolyma stories” by V. Shalamov)] // Zvezda. 2001. no. 6. pp. 208-220.
4. Shalamov V.T. Sbranie sochinenii: V 4 t. T. 3 [Collected works: In 4 vol. Vol. 3]. M., Khudozhestvennaya literatura; Vagrius, 1998. 526 p.
5. Shalamov V.T. Sbranie sochinenii: V 4 t. T. 4 [Collected works: In 4 vol. Vol. 4]. M., Khudozhestvennaya literatura; Vagrius, 1998. 494 p.
6. Shklovskii E. Varlam Shalamov [Varlam Shalamov]. M., Znanie, 1991. 64 p.
7. Shreider YU. «Granitsa sovesti moei» [“The border of my conscience”] // Novyi mir. 1994. no. 12. pp. 226-229.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кротова Дарья Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: da-kro@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krotova Daria – candidate of Philological Sciences, lecturer of the Department of History of modern Russian literature and contemporary literary process, Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University;

e-mail: da-kro@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кротова Д.В. Лирика В. Шаламова: восприятие жизни как целостности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 70-78.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-70-78

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Krotova D. Shalamov's poetry: the perception of life as wholeness // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 70-78.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-70-78